

МОЙ

Э. Успенский

Каникулы в Простоквашино

«МАЛЫШ»

Эдуард Николаевич Успенский

Каникулы в Простоквашино

Серия «Мой Э. Успенский»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40367088

*Каникулы в простоквашино [Сказочные повести] / Э. Успенский;
худож. А. Артюх, Е. Вульф и О. Боголюбова: АСТ; Москва; 2019*

ISBN 978-5-17-109150-7

Аннотация

В книгу «Каникулы в Простоквашино» вошли две повести – «Зима в Простоквашино» и «Лето в Простоквашино», а также несколько коротких рассказов про дядю Фёдора, Шарика, Матроскина и их родителей. И зимние, и летние каникулы дядя Фёдор проводил в Простоквашино. Потому что для него Простоквашино было самым лучшим местом на земле. А самыми лучшими друзьями – пёс и кот.

Для младшего школьного возраста.

Содержание

Зима в Простоквашино	7
Глава первая	9
Глава вторая	19
Глава третья	27
Глава четвёртая	33
Глава пятая	44
Глава шестая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

МОЙ

Э. Успенский

Эдуард Успенский

Каникулы в

Простоквашино

Каникулы

в Простоквашино

© Успенский Э. Н., насл., 2019

© Ил., Артюх А. И., 2019

© Ил., Боголюбова О. А., 2019

© Ил., Вульф Е. А., 2019

© Хачатрян Л.А., насл., изобразительные персонажи,
2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Зима в Простоквашино

Рисунки Е. Вульф, О. Боголюбовой

Глава первая

Письма из Простоквашино

Жарким летом всегда хочется, чтобы пришла зима и побыла с нами хотя бы один день.

И эта желанная зима кажется такой красивой, солнечной. Одним словом: «Мороз и солнце. День чудесный...»

А когда зима приходит, она часто бывает совсем не такая – сплошные метели, заносы да заморозки. И каждый год дядю Фёдора зимой в Простоквашино не пускали:

– Нечего там делать. Зимой в Простоквашино одна простуда живёт.

А Шарик с Матроскиным в Простоквашино круглый год проводили. И лето, и зиму, и осень. И всё в одной одежде. И ничего, не простужались, не кашляли даже.

И вот однажды зимой дядя Фёдор из Простоквашино сразу два письма получил.

Первое письмо было от Шарика:

Дорогой ты наш отец – дядя Фёдор!

От этого Матроскина житья совсем не стало. Раскомандовался! Только и слышишь: «Пооди! Принеси! Подай! Сходи в магазин! Сбегай на почту! Поруби дрова! Вымой за собой посуду!» А у меня посуды – одна миска. И мыть её нечего. Языком облизнул – и всё. И дрова мне не нужны, мне в моей шкуре и так тепло. В общем, если ты не приедешь, я его кусать начну.

А в остальном живём мы хорошо. Можно сказать, дружно. Только спорим часто. Вот мы уже целую неделю спорим – кто должен дверь закрыть.

Матроскин молоко пролил, и в доме скользко. Мы-то привыкли, а другим трудно. Телёнок Гаврюша в дом вошёл, ноги разъехались, он второй день в сенах лежит. Он тяжёлый, его не поднять. Мы его в доме сеном кормим.

Почтальон Печкин вошёл, поскользнулся и сразу под стол въехал. Очень смешно. Лежит сердится. Говорит: «Правильно вы дверь не закрываете. На улице теплее, чем у вас. Пусть к вам тепло с улицы идёт».

Дядя Фёдор, прикажи Матроскину дверь закрыть.
Твой вечный друг Шарик.

Второе письмо было от Матроскина:

Дорогой дядя Фёдор!

От этого Шарика житья совсем не стало! Ничего делать не хочет, только с фоторужьём бегаёт. А когда убегает, так спешит, что дверь ему закрыть некогда.

Увидел кабана в огороде и помчался за ним с фоторужьём по сугробам. А кабан-то наш простоквашинский не шибко грамотный, он фоторужьё от простого не отличает. Он думал, его стрелять хотят, и целый день гонял нашего охотника по полям.

Пришёл Шарик весь мокрый и с ногами под кровать залез, а дверь закрыть у него, видите ли, сил не было. А я ему не прислуга.

Почтальон Печкин к нам приходит перестал, потому что однажды поскользнулся и заехал под стол. Он говорит, что на улице теплее, чем у нас в доме.

Дядя Фёдор, я тебя предупреждаю, если Шарик завтра не закроет дверь, я перееду в коровник к корове Мурке, там на три градуса теплее. А Шарик пусть здесь замерзает. У нас в доме, особенно на кухне, настоящий полюс холода получился. Молоко по всем лавкам куличиками стоит. Оно твёрдое, я его из ведра целиком вытряхиваю.

Любящий тебя кот Матроскин.

Дядя Фёдор эти два письма прочитал, жутко расстроился. Он письма папе показал. А папа говорит:

– Эх, дядя Фёдор, дядя Фёдор, сын мой! У твоих друзей дела плохи, а у меня ещё хуже. Меня наша мама разлюбила.

Чего-чего, а этого дядя Фёдор не ожидал. Он даже опешил.

– А почему ты, папа, так решил?

– Такие вещи не скроешь, – говорит папа. – Вот скажи мне, сын, когда ты последний раз видел котлеты с макаронами?

– Вчера видел, – говорит дядя Фёдор. – И позавчера видел. Да я вообще каждый день их вижу, потому что мы с тобой,

папа, уже неделю как ходим ужинать в столовую.

– Теперь ты всё понял?

– Нет, папа. При чём тут котлеты с макаронами?

– А при том, что наша мама целыми днями где-то пропадает. Как с работы приходит, так сразу куда-то уходит. Я её спрашиваю – в чём дело? А она говорит – это сюрприз.

– Ну и что, может быть, и в самом деле сюрприз, – говорит дядя Фёдор.

– Знаю я этот сюрприз, – говорит папа. – Он у них в магазине секцией готового платья заведует. Здоровый такой мужик. Лысый. В обед всё на гитаре играет.

От такой информации дядя Фёдор даже запечалился. Если мужик готовым платьем заведует и на гитаре играет, он, конечно, перед папой явное преимущество имеет. Он может в себя их маму влюбить.

Дядя Фёдор говорит:

– А давай, папа, мы тоже на гитаре играть выучимся.

– Не смей меня, дядя Фёдор, – говорит папа. – Если любовь ушла, ты хоть на гитаре играй, хоть на балалайке, хоть

на трубе – ничего уже не получится.

Дядя Фёдор спрашивает:

– А есть что-нибудь, папа, что ты умеешь лучше всех делать?

– Есть, – говорит папа. – Я лучше всех умею узбекский плов готовить и петь казачью песню про ракитовый куст.

– Вот что, папа, – сказал дядя Фёдор. – Скоро Новый год. Мы все вместе в Простоквашино уедем. Будем там на лыжах кататься, печку топить, а в Новый год карнавал устроим. Ты нарядишься казаком или узбеком. Будешь вкусный плов готовить и казачью песню петь про ракитовый куст. Мама тебя снова изо всех сил полюбит.

Эта мысль папе сильно понравилась.

– А на чём мы поедem? В Простоквашино ведь электрички не ходят, а с автобусами зимой перебои.

– А наш «Запорожец» на что?

– Ой, – говорит папа, – это же умственно отсталый автомобиль. Его сразу устарелым изобрели. Это авточудо не для езды, а для ремонта предназначено.

– Ремонты всегда сближают, – спорит дядя Фёдор. – А потом, у нас целая неделя впереди есть. Мы его так к понедельнику отладим, что он у нас в «Мерседес» превратится.

И стали они с папой по вечерам «Запорожец» в порядок приводить. А так как в гараже холодно, они всё, что можно, домой тащили. И колёса домой, и крылья домой, и карбюраторы-генераторы тоже домой.

В другое бы время мама бы им такое устроила! Но сейчас она ничего не замечала. Она приходила, запиралась в большой комнате и что-то там всё время пела.

Глава вторая

Письма в Простоквашино

В Простоквашино пришло срочное письмо. Почтальон Печкин не очень хотел идти в этот спорный дом, но делать нечего – служба есть служба.

Он вошёл в открытую дверь, положил письмо на стол и вышел. Вернее, выехал, потому что все, кто входил в дом, не ходили, а скользили по полу.

Кот Матроскин взял письмо и стал вслух читать:

Дорогие Матроскин и Шарик!

Пишут вам папа и дядя Фёдор.

Как же так получается? Мы на вас так надеялись. А вы устроили ссору! Безобразие! Всё! С этого дня ваш дом переводится на военное положение. И всё-всё в доме будет делаться по приказу-расписанию.

В письме находился «Приказ-расписание». Он был такой.

Приказ-расписание

1. Подъём в 7.30. (Ответственный Матроскин.)
2. Завтрак в 8.25. (Ответственный Шарик. Поедание совместное.)
3. Топка печки в 9.00. (Ответственный Матроскин.)
4. Доставка дров. (Ответственный Шарик.)
5. Обед в 14.00. (Ответственный Матроскин.)

Поедание совместное.)

6. Мытьё посуды, но не облизывание, в 14.30.
(Ответственный Шарик.)

И так весь день был расписан. А в конце папа и дядя Фёдор писали:

...Шарик и Матроскин! Если у вас всё будет в порядке, мы всей семьёй приедем к вам на Новый год и подарки привезём.

Шарику – ошейник с медалями.

Матроскину – радиопередатчик для коровы Мурки. (Вместо колокольчика. Чтобы он мог её в любое время найти с помощью радиопуказателя.) Очень модная штука на Западе. Все коровы носят.

А почтальону Печкину – японскую собачку ши-тцу. Очень лизучую, для наклеивания почтовых марок.

Во время первой русско-японской войны японцы выпускали этих собак вперёд, и наши офицеры не могли идти в атаку, потому что собачки их облизывали.

Мы помним, что дядя Печкин давно хотел завести зверюшку. Он говорил: «Ты приходишь домой, а она тебе радуется».

Ждём от вас ответа —

папа Дима и его сын дядя Фёдор.

Шарик выслушал письмо и сразу сказал:

– Если у меня будет ошейник с медалями, я совсем другой собакой стану. Во мне столько благородства появится и смелости, что на двух английских лордов хватит.

– Благородство и смелость не от медалей появляются, – ворчливо ответил Матроскин, – а наоборот, медали от них идут. Это только у народных артистов смелость от медалей возникает.

Шарик на это сказал:

– Ты это от зависти говоришь! Потому что котам и кошкам медалей не дают!

– Коты и кошки сами медалей не хотят.

– Почему? – удивился Шарик.

– Потому что с медалью мышь никогда не поймает. Гремит она сильно. Это всё равно что с колокольчиком на шее за мышью гоняться.

Позвали они почтальона Печкина и письмо ему прочитали. Печкин сразу сказал:

– Мне очень нравится «Приказ-расписание». Я сам себе такой же напишу и на почте повешу. И хорошо, что папа с мамой приедут. Только я лизучей собаки ши-тцу боюсь.

– А чего её бояться! – удивился Шарик. – Это очень полезная собака. Утром ты ещё не проснулся, а она тебя уже облизывает. Умываться даже не нужно!

– Не знаю, не знаю, – говорит Печкин. – К кусачим собакам я уже привык. Я знаю, как с ними разговаривать. Тем более что скоро лучшим почтальонам газовые баллончики будут давать против кусания. Ты на собаку прыснул – и она спит пять минут без задних ног. Когда мне такой баллончик дадут, я его хочу на вашем Шарике испытать.

– Это очень негуманный метод, – огорчился Шарик. – Я читал, что в Великобритании лучше придумали. Там почтальонам такие специальные липучие сосиски дают. Собака

сосиску хватать зубами, а разжать их уже не может.

– Нет, – говорит Печкин. – Это не для меня. Я за день три деревни обхожу, сто дворов. Это же сто сосисок с собой носить надо. Это же целая тележка получается. Баллончик всё-таки лучше.

Он на Шарика так многозначительно посмотрел и добавил:

– И значительно воспитательнее!

В общем, после этого письма у Матроскина и у Шарика жизнь немного улучшилась.

А к Печкину пришло отдельное письмо:

Уважаемый Игорь Иванович!

Пишет Вам папа дяди Фёдора. Вот о чём я Вас попрошу: если у Матроскина и Шарика конфликт выйдет за разумные пределы, Вы мне об этом сообщите. Вы мне длинного письма не пишете. Вы мне просто пустой конверт пришлите и вложите в него одно колечко Ваших седых волос, как будто Вы поседели от горя.

И мне всё станет ясно. А самое лучшее – попробуйте их помирить. Надо, чтобы они наладили контакт.

Ваш папа Дима, папа дяди Фёдора.

Папа совсем забыл, что почтальон Печкин давно уже не имел не только колечек, но и вообще волос на голове.

Глава третья

Дядя Фёдор наводит мосты

Дядя Фёдор долго голову ломал: как же так получается – мама любила, любила папу, а теперь вдруг раз и нет? Разлюбила, видите ли! Он решил с мамой поговорить. Он начал так, издалека:

– Мама, последнее время ты какая-то не такая стала. Ты, мама, совсем другая сейчас.

Мама Римма в зеркало на себя посмотрела и вяло так спрашивает:

– Ты находишь, дядя Фёдор? Это что, очень заметно?

– Очень заметно. Ты дома почти не бываешь. Почему это так, мама?

– Понимаешь ли, дядя Фёдор, мне кажется, один человек, очень для меня важный, ко мне сейчас не так хорошо относится, как раньше.

– Это папа?

– Не будем уточнять, – говорит мама. – Только ты скажи мне, дядя Фёдор, когда ты последний раз в нашем доме букет роз видел?

Дядя Фёдор задумался и отвечает:

– Я их тогда, мама, видел, когда к нам в гости такой толстый-претолстый дядя приходил из твоего магазина.

Мама продолжала:

– Хорошо. А когда ты в последний раз видел бутылку шампанского?

– Тогда, – отвечает дядя Фёдор, – когда этот толстый дядя второй раз к нам пришёл.

– Вот видишь! – говорит мама. – А мои любимые шоколадные конфеты «Мишка на Севере» когда ты в последний раз наблюдал?

– Два дня назад, – говорит дядя Фёдор.

Мама даже поразилась:

– Это где ты их видел?

– На кухне, на большом столе.

– И что они там делали? – допытывалась мама.

– Они там стояли. Их папа с домоуправляющей тётей Дашей ели вместе с чаем.

– Вот видишь, – говорит мама, – для управляющей тёти Даши у него всё есть! И время, и шоколадные конфеты.

А потом таким как будто спокойным голосом спрашивает:

– А не заметил ли ты, дядя Фёдор, сколько лет этой домоуправляющей даме?

– Заметил, – отвечает дядя Фёдор. – Ей нисколько лет. У неё уже годы кончились.

– Как так? – удивилась мама.

– Очень просто, – говорит дядя Фёдор. – Она сама сказала: «С тех пор как я на пенсию пошла, я свои годы считать перестала! У меня нет возраста».

«Эти великовозрастные дамочки так и глядят, как бы чу-

жие конфеты съесть», – подумала мама.

Но, судя по всему, у неё от сердца отлегло. Она даже какую-то песню мурлыкать стала.

А дядя Фёдор к папе пошёл. И спрашивает:

– Пап, скажи мне, пожалуйста, когда ты последний раз видел в нашем доме букет с розами?

– Да никогда, – говорит папа.

– А почему? – спрашивает дядя Фёдор.

– Потому что с тех пор как я женился, у меня все взгляды переменялись. Я считаю, что самый ценный подарок для женщины – это мешок картошки. Знаешь, сколько мешков я

для твоей мамы перетаскал?

Дядя Фёдор говорит папе:

– Вот что, папа, хоть сейчас и зима, ты всё-таки про букет роз подумай немного. Это так хорошо – иметь розы на Новый год.

Папа расстроился:

– Эх, дядя Фёдор, дядя Фёдор! Что ты такое говоришь?! Да если бы твой кот Матроскин сейчас тебя услышал, он бы тебя уважать перестал. Ведь зимой за один букет роз можно три мешка картошки купить!

И оба они про кота Матроскина и про Шарика вспомнили.

Глава четвёртая

Телеграмма из Москвы

В избушке дяди Фёдора было тепло и уютно. В печке трещали дрова (доставка Шарика) и варился обед (ответственный Матроскин). Они готовились к совместному поеданию.

Почтальон Печкин был тут же рядом. Грелся после разноски писем по заснеженной деревне.

Кот Матроскин крупными шагами ходил по избе, как по-

литический ссыльный, и говорил вслух:

– Безобразие, на дворе капитализм построили, а у нас одна пара валенок на всех, как при развитом социализме!

– А почему так получается? – спрашивает почтальон Печкин. – У вас что, средств не хватает? У вас денег нет?

– Деньги у нас есть, – отвечает Матроскин. – У нас ума не хватает. Говорил я этому Шарик: «Купи себе валенки». Так нет, он кеды купил. Тоже мне охотник-спортсмен для сельской местности. Лучше бы он парашютным спортом занимался. Или плаванием.

– Там что, платят больше? – поинтересовался Печкин.

– Там обувь меньше снашивается, – объяснил Матроскин.

– Что касается одежды, – заметил почтальон Печкин, – то наша простоквашинская национальная одежда простая. Это телогрейка на вате с поясом да валенки с калошами. У нас зимой даже студенты в кедах не ходят.

– А что так? Стесняются? – спросил Шарик.

– Нет, – ответил Печкин. – Замерзают.

Потом Печкин говорит:

– А что это вы, уважаемые граждане, со мной разговариваете, а друг к другу не обращаетесь?

– Да как же с ним разговаривать, – говорит Матроскин, – когда это не пёс, а пенёк с хвостом. Он «Приказ-расписание» дяди Фёдора нарушает.

– Не может быть! – говорит Печкин. – Как же он его нарушает?

– А так. Там написано: «В 14.30 мытьё посуды, но не облизывание». Так этот лохматый тип сегодня всю посуду языком облизал и полотенцем незаметно вытер.

– И что дальше было?

– Я ему замечание сделал, что дяде Фёдору скажу, так он меня продажной шкурой назвал.

– Вы не должны жить как кошка с собакой, – говорит Печкин. – Вы должны друг с другом дружить и разговаривать.

– Не могу с ним разговаривать, – ворчит Шарик. – У меня язык не поворачивается.

– А давайте мы ему письмо дружеское напишем, – предлагает Печкин.

– Вам делать нечего, вы и пишете, – согласился Шарик.

Печкин достал из почтовой сумки ручку, бумагу и начал писать Матроскину письмо:

– «Дорогой мой Матроскин...» Так правильно?

– Правильно, – говорит пёс.

– «Я тебя обругал сдуру. Больше не буду...»

– Как это не буду? – возмутился пёс. – Как у меня нервы

взвинтятся, я ему и не такое скажу.

– Ладно, – понял Печкин. – Запишем так: «Я тебя обругал
сдуру и ещё буду». Так правильно?

– Так правильно, – соглашается Шарик.

– Теперь о чём писать?

– Не знаю, – говорит Шарик. – О чём хотите, о том пишете.

– Когда не знают, о чём писать, о погоде пишут, – говорит Печкин.

– Вот и пишете о погоде.

Печкин стал продолжать:

– «Погода у нас хорошая, мороз и солнце, день чудесный...»

– Какая хорошая, какой чудесный! – кричит кот. – Метель трети сутки носа высунуть не даёт.

– А вы не мешайте, гражданин кот, – остановил его Печкин. – Когда будете ответ писать, про свою погоду напишете.

– Не буду я ему письма писать, – сердится кот. – Он и читать-то не умеет. Ему письма надо вместе с почтальоном

доставлять.

И тут мимо окна грузовая машина «Почта» проехала. Печкин как закричит:

– Стой! Стой! Назад!

– Чего это так – назад? – спрашивает Шарик.

– А ничего, – отвечает Печкин. – Застрянет сейчас. Там снега у почты набралось с метр. Никто убирать не хочет. Никому дела нет до нас, почтальонов.

И точно, машина завязла.

Матроскин, Шарик и Печкин на улицу выскочили. На улице красиво. Снежинки падают, каждая размером с блюдце. Такие красивые, хоть в холодильник складывай. Солнце заходящее снег золотит. И мороз не очень сильный – тридцать градусов всего. И дрова лежат берёзовые под навесом! Благодать!

Но почтового шофёра Олега Харитонову это всё не радовало. Он вообще-то природу любил, даже очень любил, но когда с машиной неисправности были, он обо всём на свете забывал. Он тогда говорил:

– По мне этой природы хоть бы и вовсе не было!

Он толкал машину, толкал. И Шарик с Матроскиным толкали, и сам Печкин толкать пытался – всё без толку.

– Ну всё, – говорит Печкин шофёру. – Теперь вы здесь до весны жить будете.

– Это как так до весны? – поразился шофёр Харитонов. – У меня же семья в городе, работа. Мы трактором машину вытащим.

– А так, – отвечает Печкин. – У нас на селе ни одного трактора не осталось. Все тракторы в город уехали.

– Почему это не осталось? – кричит Матроскин. – А тр-тр Митя на что?

Побежал он в сарай, тр-тр Митю завёл и ещё корову Мурку из сарая вывел и телёнка Гаврюшу. Так что к двадцати лошадиным силам трактора ещё две коровьих силы прибавилось, одна котовая и одна собачья.

Кое-как вытащили бедный грузовик, чтобы шофёр здесь до весны не мучился.

Шофёр Харитонов говорит:

– Вот, почтальон Печкин, вам телеграмма.

А телеграмма была не почтальону Печкину, а Шарикку с Матроскиным:

ГОТОВЬТЕСЬ К ВСТРЕЧЕ НАС И НОВОГО
ГОДА.

МЫ К ВАМ ЕДЕМ НА «ЗАПОРОЖЦЕ».

ПАПА И ДЯДЯ ФЁДОР.

И все обрадовались, про ссору забыли, стали думать, как лучше Новый год встречать.

Глава пятая

Неожиданности от мамы Риммы

Новый год неумолимо приближался, как скорый поезд к станции.

Был спокойный домашний вечер. Папа и дядя Фёдор ремонт «Запорожца» заканчивали.

Папа бензиновую печку в тазу перебирал. Дядя Фёдор запасное колесо накачивал, а мама в десятый раз одну музыку по магнитофону прослушивала.

Папа спрашивает маму:

– Ты где будешь Новый год встречать – в семейном кругу

или в магазинном? Мы с дядей Фёдором решили в Просто-квашино ехать.

Мама на это отвечает:

– Да вы сами подумайте. Я живу у вас, как крестьянка крепостная. У меня есть четыре платья вечерних с блёстками, а показывать их некому. Я хочу на людях Новый год встречать. Там, где много музыки и света – в подвале Дома журналистов. Я хочу, чтобы люди мои платья видели.

Папа говорит:

– Может быть, мы эти платья без тебя в этот подвал пошлём? Пусть их там людям покажут, а ты с нами в Просто-квашино поедешь.

– Ни за что, – сказала мама, – куда платья, туда и я!

И тут мама открыла свою тайну:

– Вы как хотите, а у меня выступление на Центральном телевидении. В подвале Дома журналистов будут новогодний концерт участников самодеятельности снимать. Я уже полгода как один номер с нашим менеджером по колготкам репетирую.

Дядя Фёдор даже поразился:

– Вот какая у нас мама замечательная!

А папа задумался:

– Интересно, сколько лет этому менеджеру по колготкам?

И кто он, блондин или жгучий брюнет?

Как будто это имеет какое-то значение для колготок.

Дядя Фёдор спросил:

– После выступления на последней электричке разве нельзя к нам в деревню приехать? А мы тебя около станции встретим.

– Я, конечно, люблю Простоквашино, – говорит мама, – но не до такой степени, чтобы в вечернем платье в электричках разъезжать.

– Это верно, – заметил папа, – сейчас в Простоквашино зима. Там надо вечернюю телогрейку с блёстками надевать

и вечерние валенки на высоком каблуке.

Они, конечно, расстроились, что мамы с ними не будет. Но твёрдо решили, что отступить не станут и во что бы то ни стало доедут до Простоквашино.

Глава шестая

Простоквашино готовится

Когда телеграмма из Москвы пришла, Шарик и Печкин очень обрадовались, а Матроскин сразу насторожился:

– А почему это мамы в телеграмме нет? Что-то здесь не так!

Но он особо эту мысль обдумывать не стал. Он просто решил взять командование в свои руки.

На следующее утро, ближе к полудню, он грозно так сказал Шарiku:

– Вот что, охотник, тридцатое число на дворе, завтра Новый год. Бери ты в лапы пилу и топор и отправляйся в лес новогоднюю ёлку добывать. А мы с почтальоном Печкиным будем сибирские пельмени готовить. Или новогодний деликатес – макароны по-флотски.

Шарик не согласен:

– Мне жалко ёлки рубить. Они такие красивые!

– Ты не о красоте думай, а о том, что они бесплатные! – кричит кот. – Сейчас, между прочим, время настоящей экономии наступило. Значит, всё бесплатное надо брать как можно скорее.

Он опять лапы за спину положил и по избе прошёлся. И всё ворчал:

– Он о красоте думает! А о нас кто подумает? Антон Павлович Чехов? Да? Или Фёдор Иванович Шаляпин?

Почтальон Печкин спрашивает:

– Разрешите поинтересоваться. Кто это такой, Антон Павлович Чехов, будет?

– Не знаю, – отвечает Матроскин. – Только так пароход назывался, на котором мой прадедушка плавал.

– А кто такой Фёдор Иванович Шаляпин?

– Тоже не знаю. Так другой пароход звали.

– Наверное, один был шахтёр прославленный, а второй

молотобоец! – решил Печкин. – Или они оба были почтальоны знаменитые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.